
УДК 94(352.3).081

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-29-45

**«ИСКУССТВО БЫТЬ НЕПОДВЛАСТНЫМ»:
К ЗАВЯЗКЕ «МЯТЕЖНИЧЕСКОЙ ВСПЫШКИ» КАБАРДИНЦЕВ 1868 г.**

Алоев Тимур Хазраилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», aloborsa@mail.ru

1868 г. отмечен последним крупным вооруженным выступлением черкесов в XIX в. Оно развернулось среди кабардинских хаджетов долины р. Лаба. В статье прослеживаются обстоятельства и стратегии сохранения устойчивости хаджетского социума с конца 50-х – по вторую половину 60-х гг. XIX в. в условиях непрерывного давления российского военного командования.

Ключевые слова: Ходзь, хаджетры, Геноцид, черкесы, социальное поле, сопротивление.

Я подчиняюсь, но не повинуюсь
Испанская поговорка

8 мая 1868 г. по современному летоисчислению в районе нынешнего села Ходзь российская армия провела войсковую операцию по подавлению последнего в XIX в. крупного вооруженного выступления черкесов. Это событие получило неоднократное отражение в документах того времени и базирующихся на них исследованиях. Однако язык описания, задействованный для его осмысления, будучи заведомо одномерным, вот уже полтора столетия апеллирует в преобладающей степени к «классовым противоречиям» как объяснительной модели данного феномена. Такое положение несет на себе печать предопределенности: сначала российские чины, отчитывавшиеся по следам явно нежелательного эксцесса в уничтоженной Черкесии педалировали сословно-классовые противоречия (и, привычно, религиозный фанатизм) как подоплеку выступления «диких» горцев¹, затем этот инструментарий по совершенно очевидным в условиях советского режима мотивам был, как тогда выражались, «взят на вооружение» идеологизированным нарративом². В последующем после краха советского режима данный сюжет получил заинтересованное внимание в ходе изысканий в рамках локальной истории. Однако исследовательский прицел, заданный «ойкофилической» интенцией априори не предполагал сосредоточения внимания на осмыслении процессов и феноменов, масштаб которых заведомо превосходил генеалогию конкретного поселенческого коллектива³. Вместе с тем следует признать, что обращение к широкой канве первоисточников и их введение в научный оборот само по себе является существенным вкладом в расширение адекватных представлений о затрагиваемом здесь событии. К тому же, несмотря на гипертрофированную идеологизированность и тяготение к монофакторной рамке осмысления хаджетской весны 1868 г. нельзя игнорировать известную степень эвристичности, заложенной в исследованиях сквозь призму перипетий межклассовых противоречий. Между тем и сегодня сложно говорить о возможности исчерпывающего

объяснения столь трагического события, которое разразилось полтора столетия назад на берегах Ходзи. Задача настоящего текста, разумеется, скромнее: предложить такую перспективу на данный сюжет, в которой будут прослеживаться обстоятельства и стратегии сохранения базовых параметров хаджретского социума в условиях разворачивавшихся в течение большей части 60-х гг. XIX в. геноцидальных практик в кяхской Черкесии. Представляется, что такая оптика позволит приблизиться к более контекстуальному, а значит стереоскопичному восприятию исторического события.

Вслед за изъяснением «покорности» российским властям со стороны бжедуг, хатукаевцев и адамиевцев в мае 1859 г. переговоры по данному предмету, двумя месяцами позднее, активизировали и абадзехи с егерукаевцами⁴. Ввиду того, что последние находились «в стеснительном положении... сверх того объединены саранчою»⁵ вероятность соглашений стала нарастать (тем более, что переговоры без существенных успехов протекали уже более года). Для их восточных соседей – кабардинских хаджретов и бесленеевцев, обитавших «в предгорной лесистой части пространства между р.р. Лабою и Белою»⁶ – ТхьэщIагъ мэз зримая перспектива отсечения от основной массы воюющего населения страны грозила обернуться военной катастрофой. Если геополитическое положение, людские ресурсы и военный потенциал шапсугов (и союзных им натухаевцев (до января 1860 г.), убыхов, садзев и медовеевцев) обеспечивали возможности устойчивой пролонгации сопротивления на годы вперед, многократно уступавшие им в численности жители ТхьэщIагъ мэз, по словам Евдокимова в течение десятилетий выступавшие в качестве «авангарда неприязненного нам населения» (и представлявшие в это время лишь «остатки некогда сильных народов»), не обладали ресурсами для поддержания изолированного очага резистентности. Ввиду острого драматизма ситуации, хаджреты начали переговоры в августе и 15 сентября 1859 г. (наряду с кемиргоевцами и егерукаевцами) приняли «присягу» о «покорности» российскому правительству (синхронно в переговорный процесс включились и бесленеевцы с шахгиреевцами)⁷. Вместе с тем соотношение обстоятельств кабардинского «замирения» с положением бжедуг и хатукаевцев, подтолкнувшим последних к «присяге», позволяет говорить об их неравноценности, по крайней мере, с точки зрения бенефициара таких актов. Так, в плане операций российских войск в Черкесии в зимний период 1858/59 предполагалась концентрация сил резерва Лабинской и Черноморской кордонной линий «противу народов Гатюкаевского и Бжедуховского племен, дабы заставить их удалиться от низовьев Лабы и левого берега Кубани»⁸. Осуществление этого плана привело к тому, что к февралю 1859 г. было истреблено 44 аула «на пространстве от Афиписа до р. Белой, так что от Гатюкаевцев, Хамышеевцев и Черченевцев уцелели только три аула в лесных трущобах»⁹.

Относительно результатов военных действий в бассейне верхней Лабы, где локализовалось кабардинское население, генерал Филипсон отзывался следующим образом: «Часть войск из отряда г. Войцицкого я отправил в Псебай и предписал Полковнику Лихутину по 1-е марта делать движения для очищения от гнездящегося между Урупом и Лабою народонаселения Тамовцев и Кызылбековцев, или против ближайших аулов на Ходзе и Губсе. Действия со стороны Генерала Войцицкого сделались в настоящее время невозможными по совершенному истреблению неприятелем своих запасов сена»¹⁰. О том, что речь идет об инновации в практиках черкесского Сопротивления Филипсон писал Милютину: «Истребление горцами запасов сена и жилищ при приближении наших отрядов есть явление новое в здешней войне и должно вызвать с нашей стороны некоторые изменения в системе действий для очищения этого края от непокорных племен»¹¹.

Подобная ситуация позволяет заключить, что лидеры хаджретов решаясь на подписание «присяжного листа» осенью 1859 г. исходили из иной базовой ситуации,

нежели пережившие погром жители Бжедугии и Хатукая. Для них было очевидно, что циркулировавшие (уже достаточно долгое время) в Абадзехии настроения по замирению с Россией стали преобладающими. Такое развитие ситуации у себя в тылу грозило критическим ухудшением военно-политического положения хаджретов. Политическая прагматика диктовала необходимость действий на опережение; возникла реальная угроза оказаться один на один с мощным корпусом войск Лабинского отряда (12 батальонов пехоты, 14 сотен конницы, при 8-ми ракетных станках и 22-х орудиях, а также милицейского отряда из карачаевцев и ногайцев в 150 человек). При этом вероятность «замирения» на более-менее приемлемых условиях снижалась в случае его осуществления вслед за абадзехами, считавшимися «главной силой неприязненного населения»¹².

О том, насколько «покорность», изъявленная хаджретами соответствовала задачам их эффективной пацификации со стороны империи, можно судить по контрасту между обозначенными целями российского командования накануне военной кампании 1859 г. и оценками, последовавшими по ее завершении. Так, в «предположениях о военных действиях» с декабря 1858 по конец 1859 гг., в частности, отмечалось: «Майкопский и Мало-Лабинский отряды должны действовать на встречу один другому, чтобы: во первых, заставить не мирное население беглых кабардинцев, бесленеевцев... очистить занимаемые ими места между Белою и Лабою, по течению Ходза, Гупса, Псефира, Фарса и их притоков и удалиться за Белую, или безусловно покориться...»¹³. Несмотря на целенаправленность действий военного командования план «очищения» не удался ни в этом, ни в следующем 1860 г. Относительно же вопроса о характере «покорности» манифестировавших лояльность групп можно составить определенное представление, исходя из полных скепсиса слов генерала Евдокимова. Его суждение о «замирившихся» в тот период сводилось к тому, что «... единственно покорившихся нам бжедугов, натухайцев и некоторых абхазских (абазинских. – Т.А.) племен северного склона нельзя было считать в строгом смысле преданными нам народами; напротив, по своему двойственному поведению они были нам еще более вредны, чем открытые враги»¹⁴. Обращает на себя внимание, что среди номинально «покорных» не упомянуты кабардинцы, а также и другие черкесские аристократические агрегации, локализовавшиеся в ТхьэщIагъ мэз. В самом деле, ознакомление с фразеологией документов, посвященной «взаимодействию» с населением указанного географического района, демонстрирует весьма далекую от нейтральной установку имперского командования. Рассуждая в январе 1860 г. о необходимости проложения просеки через лес «Пшичегочече», генерал Филипсон мотивировал такую задачу «тем, что открытые места, на которые весною должны выселиться махашевцы, егерухаевцы, темиргоевцы и кабардинцы будут отделены от огромного лесного пространства, где до сих пор гнездились их аулы»¹⁵.

План операций на 1860 г. продолжал исходить из наличия двух театров военных действий; наряду с «шапсугским» таковым продолжала считаться «нагорная полоса между верхней частью течения р. Белой и Малой Лабы...»¹⁶. Один из приоритетов документа обозначался следующим образом: «Здесь должно стараться не оставлять туземцев на постоянном жительстве в нагорной полосе между Белой и Малой Лабой, во первых потому, что имея это население впереди, хотя и покорное в трудно-доступной¹⁷ местности, мы никогда не можем ручаться за безопасность наших казачьих станиц, возведенных между Кубанью и Лабою и должны будем держать там много войск для их обороны; во вторых, что с возведением в будущем году предполагаемых мною еще 2-х новых станиц, как будет объяснено ниже, мы в 1861-м году должны будем перенести казачье население за Большую и Малую Лабу, что естественно затруднительно будет исполнить, прикасаясь границе враждебного, и в случае даже покорности, ненадежного туземного населения...»¹⁸.

Магистральная линия действий, избранная российским командованием, отличалась предельной определенностью: «Главное средство для изгнания непокорных племен из вышеобозначенной нагорной полосы, без сомнения заключается в лишении горцев насущных потребностей жизни, отнятием от них пространств удобных для хлебопашества и скотоводства, ибо одних крепких мест для жизни недостаточно»¹⁹.

В данном контексте представляется неслучайным, что генерал Ольшевский, на которого летом 1860 г. была возложена инспекция оперирующих в Черкесии войск, не рассматривал кабардинцев в качестве «покорных». Утверждая, что с наступлением 1860 г. «по правую сторону Большой Лабы, не было ни души магометанской», он, вместе с тем, сетовал на «переполненность» «треугольного пространства между Большой и Малой Лабы» «беглыми» кабардинцами и рядом абазинских обществ²⁰. Примечательно, что подобная оценка прозвучала, несмотря на то, что «весной 1860 г. кабардинцы, как и обещали при принятии присяги, переселяются с верховьев реки Фарс к подножию горы Кунактау, на участок земли по левому берегу реки Губс...»²¹. Впрочем, нужно оговорить, что данное переселение мало чем ухудшило их положение. Оставленный ими локус в верховьях Фарса уже был в зоне облегченной доступности со стороны нового укрепления Хамкеты. К тому же расселились они недалеко (примерно в полутора десятках километрах от прежнего района проживания), практически в той же ландшафтной зоне. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что расположились они там вместе с абадзехами (а, как известно, их актуальный политический статус в глазах контрагентов «договора» 20 ноября, особенно в части сохранения внутренней автономии, был несопоставим с позицией других черкесских акторов, присягнувших в течение 1859/60 гг.). Расположение в одном географическом локусе с представителями де-факто независимой политики позволяло немногочисленным хаджретам извлекать дивиденды для поддержания и укрепления своей субъектности в заданных крайне осложненных военно-политических условиях. То, что сентябрьская присяга 1859 г. для хаджретских лидеров имела сугубо инструментальное значение (как и в предыдущие годы) и они не склонны были ограничивать люфт политической активности, подтверждается их последующими инициативами. В частности, такое заключение вытекает из lamentаций генерала Евдокимова, вызванных действиями одного из хаджретских лидеров – Кундет Девлетгирея. В июле 1860 г. российский генерал писал, что кабардинский тлекотлеш «принимает на себя роль какого-то старшины над всеми закубанскими кабардинцами, что он стесняет абадзехских выходцев... и что наконец он позволяет себе даже воспрещать нашим командирам производить сношения на местах, которые он себе присваивает»²².

На самом деле вменяемая кабардинскому аристократу претензия на ключевую роль среди хаджретов неверна в том смысле, что речь шла не о некоей потенции, которая еще не реализовалась, а о непреложных реалиях внутриполитической организации хаджретского социума. Кундет Девлетгирей с 40-х гг. был активным участником общечеркесского политического процесса²³. Возмущение же генерала остальными действиями Кундет Девлетгирея было вполне оправдано. Затевая (по земельным вопросам) распри с абадзехами на Губсе, Кундет Девлетгирей в известной мере дискредитировал соглашение от 20 ноября, что могло спровоцировать его нежелательное с точки зрения имперских замыслов преждевременное дезавуирование. Для российского командования, развернувшего масштабную подготовку к решающему натиску на Черкесию, это было недопустимо. Разумеется, не могли его устроить и попытки блокирования спускаемых на места предписаний; в условиях отсутствия опыта сколько-нибудь длительного послушания населения оккупационным властям, подобные прецеденты отодвигали перспективы приемлемой для имперского командования

степени лояльности, что грозило в определенных обстоятельствах опрокинуть принятые к реализации планы в регионе.

Между тем, такую линию поведения Кундет Девлетгирея менее всего можно было приписать импульсивности характера и инерционности мышления знатного дворянина, не осознававшего возможные издержки явного неповиновения такой репрессивной инстанции, как российское военное командование. Более того, здесь с его стороны просматривается такая манера активности, которую можно охарактеризовать как целерациональное действие, проистекающее из трезвого осознания лиминальности, т.е. пороговости военно-политической ситуации, обусловленной чередой «присяг» 1859/1860 г. со стороны черкесских политий и незавершенностью инфраструктуры окончательного имперского наступления (в основном, из-за неготовности коммуникационных линий на театре военных действий), что, несомненно, сковывало оккупационные войска в их предприятиях. Однако такая спасительная цезура не могла быть долговременной. Вслед за принятием октябрьского плана Геноцида 1860 г. российское командование не стало медлить с его осуществлением. С весны 1861 г. крупнейший контингент российских войск в закубанской Черкесии²⁴ активизировал свои действия в районе ТхэщIагъ мэз. Венцом этих действий стала молниеносная депортация «покорных» бесленеевцев в июне 1861 г. Как писал М. Венюков, они «были выселены облавой в течение одного-двух дней»²⁵. Да и сам Евдокимов не скрывал, что бесленеевцы «внезапно были окружены нашими войсками и выведены силой на Кубань, откуда 600 сем. отправились под конвоем в Турцию...»²⁶. Этот откровенно геноцидальный акт подтолкнул тридцатитысячное население абазин – башильбаевцев, казильбековцев, тамовцев и баговцев к оставлению родных мест. Наряду с постройкой тогда же станиц Губской, Нижне-Фарской и Кужорской эти обстоятельства лишили кабардинцев хоть какой-либо надежды получить помощь в случае решения со стороны российского командования ударить и по ним.

Отныне кабардинские лидеры оказались в условиях необходимости продолжения выстраивания *modus vivendi* («формулы сосуществования») с военной администрацией, когда «сосуществование» как интегральный элемент обеспечения российского присутствия в Черкесии исключался из имперского проекта. Демонстрации лояльности (что само по себе было непросто, учитывая устойчивую репутацию «авангарда неприязненного населения») инстанции склонной к подозрительности, втянувшейся в фазу небывалого уровня мобилизации и заточенной на беспрецедентно тотальные карательные практики было заведомо недостаточно. Теперь требовалось не только предъявить легко считываемые ею индикаторы безусловной благонадежности, но предстать в ее глазах необходимым (хотя бы временным) инструментом в осуществлении своих замыслов. Такая востребованность, можно полагать, возникла в связи с «бунтом и неповиновением» «между черноморскими казаками» вызванными намерениями военного командования провести форсированную «переброску» (пожалуй, наиболее точное слово, отражающее российский план в их отношении) множества станиц с весны 1861 г. из прикубанской равнины в район театра военных действий в предгорную и горную зону кяхской Черкесии. Описывая смягченным слогом (ввиду того, что некоторые сюжеты по словам автора «неохотно пишутся нашими историографами *ex officio*») открытое сопротивление черноморцев начальственной инициативе один из очевидцев отзывался о коллизии следующим образом: «... даже доблестные, самоотверженные казаки Кубанского войска шли не совсем охотно на передовые линии, где они становили лицом к лицу с неприятелем не одни свои дружины, испытанные в бою, а жен и детей, старцев и малолетних, то есть все, что дорого мужу, отцу, брату, сыну...»²⁷. Казаки были настолько непреклонны, что Евдокимов вынужден был доложить начальству о невозможности запланированного переселения. 24 июня император утвердил распоряжение о его отмене на текущий год.

Эти события если и не опрокидывали целиком предположения кубанского атамана, то, по крайней мере, серьезно осложняли условия и замедляли темпы их осуществления. Непредвиденные обстоятельства требовали изыскания непредусмотренных изначально опций для продолжения безостановочного (что было идеей фикс для российского командующего) продвижения вперед. Эта ситуация объективно создавала условия для того, чтобы Евдокимов пересмотрел взгляд на кабардинский анклав как исключительно досадную помеху на пути полного «очищения» восточного фланга театра военных действий и требующего оперативного устранения. Прагматическое мышление командующего не могло проигнорировать, что для перелома негативной установки казачьих элит и настроений саботажа не последнюю роль будет играть предъявление примера «образцово» лояльных черкесов из числа недавно замирившихся в предположенном для заселения районе. При этом представляется допустимым, что Евдокимов исходил из того, что и кабардинцы, трезво осознавая радикальное изменение (не в свою пользу) этнополитической конфигурации в субрегионе после депортации бесленеевцев и абазинских обществ попытаются отвести от себя катастрофу и будут предельно скрупулезно следовать букве присяги 1859 г. Факт имевшего место конфликта абадзехов и кабардинцев и территориальная дистанцированность последних от остатков кемиргоевцев, егерукаевцев и мохошевцев на западе ТхьэщIагъ мэз только могли укрепить в убеждении целесообразности использования хаджретского фактора в своих замыслах. Весомым доводом в пользу действий в данном направлении предстает и военный потенциал кабардинцев. Как выше отмечалось, их «замирение» не явилось результатом военного разгрома. Более чем полуторалетнее неучастие в военных действиях не могло благотворно не сказаться на состоянии социума и его военной мощи. Речь шла о многосотенной, остававшейся, по-прежнему, «лучшей в мире» кавалерии. Даже нарочитое бездействие с их стороны или же хотя бы вполне ожидаемое недопущение прорывов в зоне своего присутствия (во избежание обвинений в пособничестве) выступали достаточным мотивом для того, чтобы Евдокимов решился на временный (и локальный) отход от своей магистральной линии тотального изгнания черкесского населения из страны. О том, что для российского командования речь шла о тактическом, временном маневре можно судить по принятому к утверждению в ноябре 1861 г. проекту начальника Кубанской области о заселении предгорий кяхской Черкесии новыми казачьими станицами. Р.С. Кандор указывает в этой связи, что в документе предусматривалось выделение «беглым» кабардинцам 14 тысяч десятин земли между течением рек Лабы и Псефир выше станицы Лабинской²⁸. Принимая во внимание то обстоятельство, что сам Евдокимов оценивал численность «замыренных» кабардинцев в 10 тысяч человек, такой надел представлялся издевательским (также как, например, для натухайцев²⁹) и в полной мере отвечал декларировавшемуся генералом принципу, согласно которому он готов был предоставить черкесам «лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов»³⁰. Вместе с тем вполне допустимо, что письменная фиксация прав на крайне мизерный участок сопровождалась устными договоренностями, предполагавшими увеличение его размера в будущем. Для кабардинцев, принадлежавших к ороакустической культуре, это могло быть вполне приемлемой опцией.

Как бы то ни было, в это время у хаджретов появился и другой рычаг для эффективного (с точки зрения своих интересов) взаимодействия с оккупационной администрацией. Завязан он был на личности полковника Карахоко Фица³¹. К рассматриваемому времени он уже не одно десятилетие находился на русской военной службе и, можно полагать, вполне пользовался доверием начальства, что оправдывал готовностью выполнить любые его поручения. (Преступную и роковую роль, которую Карахоко Фица, кажется, сыграл во время переговоров Александра II с черкесскими лидерами в сентябре 1861 г. еще предстоит осмыслить³²).

Здесь же сфокусируемся на том, что он, по крайней мере, с 40-х гг. проходил службу на Западном Кавказе³³ и вполне ориентировался в сложных реалиях военно-политического взаимодействия в регионе. Уже в 1858 г. он выступал посредником (будучи приставом закубанских ногайцев (sic!) при переговорах одного из хаджретских лидеров Кундет Девлетгирея с командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенантом Козловским³⁴. Можно предположить, что и позднее, находясь под непосредственным начальством генерала Евдокимова, Карахоко Фица продолжал контактировать со своими соотечественниками. Во всяком случае, с апреля 1862 г. систематическое взаимодействие с хаджретами входит в его прямые служебные обязанности – он назначается «начальником» над кабардинцами (впрочем, как и над другими черкесами) проживающими в бассейне р. Лаба. На него возлагается устройство их «внутреннего управления» и ходатайства «перед русским начальством» об их нуждах, и защита интересов³⁵.

Разумеется, имперская администрация своеобразно понимала эти интересы. Однако у хаджретских лидеров имелись достаточно действенные инструменты по насыщению этого понятия «своим» содержанием и его последующей трансляцией на оккупационную власть. Такой потенциал проистекал из амбивалентности фигуры Карахоко Фица (как, наверное, и многих других, оказывавшихся в эпицентре «имперской ситуации»). Несмотря на его продолжительный служебный опыт, было бы преувеличением говорить о полнокровной индоктринированности полковника в имперский проект. Его жизненная траектория определенно позволяет такое утверждение. Прежде всего, следует вспомнить, что он поступил на русскую службу лишь в возрасте 24-х лет. Следовательно, его социализация прошла в черкесской культурной среде, что позволяет говорить о невозможности элиминации, задаваемой ею системы координат в той степени, которая позволяла бы говорить о качественном перевоплощении его мировоззрения (здесь вспоминается персонаж князя Бекмурзы Тембота (Федора Бекович-Черкасского) – хрестоматийного ренегата на имперской службе, но вместе с тем в культурном плане никак не соотносившего себя с русскими). Очевидно, речь можно вести о давлении культурного бэкграунда российского полковника, чьи референциальные ориентиры не могли быть полностью замещены в силу избранной им жизненной стратегии. Поэтому коммуникативная ситуация, в которой он вынужден был взаимодействовать с представителями знатнейших черкесских родов – кабардинскими князьями и тлекотлешами, не могла протекать без существенного (вероятно, определяющего) воздействия восточчеркесской нормативной рамки. Как и любой дворянин Карахоко Фица, несомненно, рос в обстановке глубокого пиетета к высшей аристократии страны. В силу обстоятельств ставший его наиболее частым и эффективным контрагентом Кундет Девлетгирей был как раз представителем тлекотлешского рода. К тому же к рассматриваемому времени это был человек с давно состоявшейся репутацией незаурядного политического деятеля. Можно полагать, что наработанный им за многие годы опыт и влияние во многом позволили проводить линию на консолидацию рассеянных в регионе «хаджретов» (в частности, возвращение аула Анзор Асланбека, присягнувшего в 1859 г. от егерукаевцев³⁶). Думается, что для вовлеченных во взаимодействие с кабардинскими лидерами акторов не оставалось незамеченным, что политический вес Кундет Девлетгирея подкреплялся наряду с прочим и кровным родством по материнской линии с влиятельным в хаджретском сообществе дворянским родом Маргуш³⁷, на чей ресурс он мог безоговорочно опираться. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счетов и символический капитал хаджретского лидера, базировавшегося на его родственных связях и в центральной Кабарде; Девлетгирей приходился родным братом воспевавшегося всеми кабардинцами Кундет Магомета, погибшего в бою с русскими в 1846 г.³⁸ О его безоговорочном авторитете можно судить и по тому, что отпрыски княжеских фамилий уступили ему первенство в ведении народных

дел. И, что весьма показательно – общепризнанный (с 40-х гг.) продолжатель дела Болотоко Джамбулата, Хирциж Аля, Хатокшоко Магомет-Аша – знаменитый военный предводитель Шоген Герандуко практически всегда солидаризовался с Кундет Девлетгиреем³⁹. Наряду с соображениями, предзаданными культурно-референциальными реалиями, особо следует подчеркнуть значимость актуальных связей Карохоко Фица (от имущественных до матримониальных) с местом происхождения, как императив, исключавший ту преступную роль, которую он сыграл в злодейском спектакле Евдокимова. Здесь он не мог позволить себе бездумно-индифферентного исполнения начальственных предначертаний без риска для своего будущего социального благополучия⁴⁰. Обстоятельства, при которых Карахоко Фица получил вышеупомянутое назначение, ставили его, таким образом, перед необходимостью пройти между Сциллой высокой вероятности пренебрежения своими должностными обязанностями (сопряженным с карьерными рисками) и Харибдой оказаться в роли парии в среде соотечественников в случае проявления чрезмерного с их точки зрения, служебного рвения. Этот лаг закладывал потенциал бивалентной агентивности в позиции Карахоко Фица. Ситуацию проясняет и наблюдения одного из российских офицеров, служившего в данном районе. Его сетования сводились к тому, что приставские начальники «...обыкновенно, искали средства отделаться от необходимости входить в опасные сношения с народом и такими средствами у них являлись или ловкий переводчик или же еще что еще хуже аульный начальник, назначенный на эту должность из прежних владетельных или очень влиятельных горских фамилий... Передав часть своих обязанностей аульным начальникам или другим влиятельным лицам, чины военно-народных управлений вместе с этим разделили с ними и значительную часть своей власти и своего влияния на народ»⁴¹.

Особенности российского продвижения в междуречье Лабы и Шхагуаши в течение следующего, грозившего быть предельно турбулентным 1862 г. для перспектив самосохранения кабардинского анклава, объективно составили удачную комбинацию факторов удержания их относительно стабильного положения. При этом следует отметить, что после изгнания в марте-апреле махашевцев, кемиргоевцев и егерукаевцев с правобережья Шхагуаши и параллельного заселения этого района одиннадцатью станицами перспективы кабардинского анклава казались не очень радужными⁴². Однако ряд затруднений, встреченных войсками, серьезные ошибки, допущенные Евдокимовым в ходе операций в бассейне р. Шхагуаша, и натиск абадзехов и убыхов в долине Лабы в конечном счете послужили благодатной почвой для закрепления своих позиций. Однако к середине – второй половине 1862 г. ситуация была еще весьма неоднозначной. Следуя своим прагматическим установкам, кабардинцы в целом уклонились от поддержки абадзехско-убыхского натиска на российские войска летом 1862 г., тем самым продемонстрировав верность своим «присяжным» обязательствам. Однако оставалось непонятным, насколько такая позиция удовлетворяла имперские власти, которые могли использовать непротиводействие своим соотечественникам в качестве удобного предлога для начала карательных действий. На фоне отступления сил черкесского Сопротивления хаджретские лидеры, по-видимому, признали целесообразным выяснить намерения командования относительно хаджретского присутствия в долине Лабы. С таким предположением консультирует извещение начальника Лабинского округа полковника Алкина кабардинским уорком Бабуг Асланбеком о желании выселиться в Османскую империю с сотней дворов вслед за отходом сил черкесской коалиции в горы. Окружной начальник не преминул заметить непоследовательность в поведении своего «визави». Докладывая в сентябре о поступившей еще в начале августа «записке» от него, полковник Алкин с некоторой озадаченностью извещал вышестоящее начальство о том, что Бабуг Асланбек прибыл к нему с «просьбой о разрешении отправиться ему на переселение в Турцию с

подвластными его из ста дворов, (которых в сущности у него не более десяти дворов), но по прибытии к народу передумал и желает по-прежнему оставаться на своем месте»⁴³. Действительно, представляется по меньшей мере неоднозначным поведение не самого влиятельного среди хаджретов персонажа, заявлявшего о намерении переселения с сотней дворов, когда он мог решать только за несравненно меньшее количество людей. Такую ситуацию можно было объяснить, если бы речь шла о деятеле уровня Шоген Герандуко или же Кундет Девлетгирея, которые в силу своей харизматичности и социального капитала могли увлечь и прямо неподвластную им часть общества. Принимая во внимание подобную ситуацию, можно допустить, что в этом ключе могли действовать и пользовавшиеся большим уважением хаджи или же религиозные деятели. Но в данном случае перед нами не рядовой, но и не выдающийся представитель хаджретского социума. Наряду с тем, что «по прибытии к народу» он «передумал» пускаться в путь (при этом ни о каких прениях и согласованиях среди кабардинцев начальнику Лабинского округа в этой связи известно не стало) возникает ощущение, что данный демарш стал результатом внутренних конвенций между хаджретскими лидерами, предпочтившими зондирование ситуации пассивному ожиданию возможной экзекуции со стороны российского командования. Иными словами, Бабуг Асланбек был делегирован от общества для контактов с военной администрацией (но был, как можно полагать, проинструктирован действовать в вышеизложенном ключе). Рассуждения в этом русле подкрепляются и последующим дезавуированием со стороны теперь уже действительно хаджретских лидеров. В своем обращении к Евдокимову, кабардинцы, во главе с Кундет Девлетгиреем, извещали о перемене своих намерений, хотя на просьбу о переселении сотни дворов с Бабуг Асланбеком и было получено согласие. «Но в настоящее время мы сочли лучшим остаться по-прежнему на месте нашего жительства», – гласило их решение, что в свою очередь очевидным образом демонстрирует источник инициативы с переселением в Турцию. Закljučая же свое письмо к российскому военачальнику, его адресанты решили дополнительно подстраховаться рельефно изобразив невозможность взаимодействия с абадзехами. Они просили ни много ни мало защитить их «от непокорных абадзехов»⁴⁴.

В целом к осени 1862 г. положение хаджретов стабилизировалось. Поэтому в донесении Карохоко Фицы генералу Евдокимову насчет своих «подопечных» в январе 1863 г. проступает уверенная интонация. Он сообщает о том, что «... кабардинцы поселившиеся на Ходзе хотя и не в порядке того правила которое указано им заблаговременно, т.е. не отдельным аулом, зато в населении своем, составляя сплошную полосу аулов тянующихся непрерывно по Ходзу с большим успехом могут содействовать как спокойствию и общему благосостоянию казачьим поселениям, так и в управлении собой, и в исполнении всех поручений начальства»⁴⁵. Выход на начальство с донесением подобного содержания с точки зрения *modus operandi* российского командования было проявлением если не явной крамолы, то показателем должностной халатности. Учитывая, что подчиненный выдавал прямое уклонение от предначертаний вышестоящего начальства чуть ли не как успех, могло показаться, что такая дерзость не останется без последствий. Однако в контексте озадаченности, если не сказать потрясенности военного командования остротой прошедшей кампании (оцененной Евдокимовым «самым тяжелым» годом с начала реализации плана Геноцида)⁴⁶ и неизвестности исхода предстоящих действий 1863 года адресант (понимаемый в широком смысле) вполне осознавал наличие расширенного пространства для маневров, что и было использовано не без успеха. Во-первых, решимость на неприкрытое манкирование директивными предписаниями российского командования и его же преподнесение в обертке полезного для имперских задач образа действий в условиях предельного осложнения общей военно-политической ситуации в кяхской Черкесии характеризует

хаджретских лидеров как политических акторов адаптировавшихся к перманентной турбуленции. Во-вторых, размещение аулов в наиболее оптимальном с точки зрения реальных угроз порядке (по сути, воспроизведение их расположения в период открытой вражды с Россией) выглядит как показатель явного упрочения позиций хаджретов. На этом фоне декларируемая хаджретами забота о спокойствии казачьего населения и уверения в готовности «исполнения всех поручений начальства» выглядели отчасти риторическим ритуалом (кстати, апелляция к «общему благосостоянию казачьим поселениям» косвенно подтверждает, что в предыдущих соглашениях этот пункт был ключевым). Во всяком случае, хаджретская тактика не была безрезультатной. Уклонение от поддержки абадзехско-убыхского натиска летом 1862 г. и трансляция на источник угрозы, установки на свою лояльность через «аффилированного» пристава, а также сохранность военного потенциала, размещенного в оптимальных геоландшафтных условиях, в совокупности обеспечили отвлечение оперативного фокуса имперского командования от «замиреного» анклава.

О расстановке приоритетов и движущих мотивах инстанции, втянувшейся в кульминационную фазу развернутого в Черкесии Геноцида можно судить по одному из тогдашних «отчетов». В документе содержится следующее разъяснение: «Военные обстоятельства края, заставлявшие обратить все внимание на скорое покорение последних бывших тогда нам не покорными племен, не позволяли до 1865 г. думать о правильных и систематических мерах к водворению порядка и благоустройства в горских обществах Кубанской области, а потому вся забота бывших военно-народных управлений была обращена лишь на поддержание внешнего порядка в обществах и на исправное формирование милиций, предоставляя внутреннее распоряжение в них старшинам и лицам высших фамилий»⁴⁷. В таких обстоятельствах опыт политического лавирования в условиях постоянно воспроизводящегося *tenuous equilibrium*, нарабатанный в предыдущий период хаджретскими лидерами, выступал дополнительным инструментом отведения разрушительных посягательств со стороны российского командования. Навыки «политеса», продемонстрированные ими, оказались столь убедительны, что и спустя несколько лет Евдокимов выражал удовлетворенность взаимодействием с ними. В частности, он отмечал что «все народные дела по водворению первых кабардинцев на новом месте по управлению и по разбору народных распрей, за мое командование производились через Кудинетова (Кундет Девлетгирей. – Т.А.) и выполнялись как нельзя лучше...»⁴⁸. Такая аттестация, бесспорно, удостоверяет успешность реализованной хаджретами стратегии самосохранения. Во избежание тривиализации этого феномена и его адекватного восприятия следует иметь в виду, что стабилизация положения кабардинского анклава была достигнута в условиях тотального по охвату и катастрофического по результатам разгрома кяхской Черкесии.

В связи с этим нелишне напомнить картину надлома социальной жизни, которую рисуют очевидцы черкесской катастрофы. Инспектировавший территории, с которых накануне было изгнано черкесское население, Р.Фадеев писал о том, что его остатки теперь «смешаны» «в хаотическую массу» потерявшую прежнюю общественную организацию и являвшую собой безличный материал⁴⁹. Он также констатировал, что «закубанские черкесы испытали в последнее время такое неимоверное нравственное потрясение, что им нет уже возможности от него оправиться... Понятия их дотога спутались неслыханным разгромом, что они ничему не удивятся, чтобы с ними не сделали... Подобной деморализации никогда не было видано. Все нынешнее закубанское туземное население составляет запуганную толпу...»⁵⁰. Генерал считал, «что нечего больше опасаться напуганных и истерзанных остатков черкесского населения». Также отмечалось, что побежденные «не оказывают сопротивления никому и никогда, чтобы с ними ни делали.

Казаки же не великодушны, и с черкесами сбывается басня об умирающем льве; всякий их топчет»⁵¹. Завершающим штрихом таких воистину макабрических потрясений, подрывавших социальное бытие народа можно считать свержение с нормативного пьедестала воина-феодала. Вместо него взору деморализованной массы, предстал «столь же оборванный, обнищавший и униженный» уорк⁵². Результатом надлома социальной системы стало то, что, согласно наблюдателю, «... закубанец теперь по необходимости прибегает во всяком случае к русскому начальству, отворяя нашему влиянию двери настежь к самым потаенным уголкам своей общественной жизни»⁵³.

На фоне состояния тотальной фрустрированности осколков западочеркесского населения, аттестованного как «распадение общественного быта»⁵⁴, ярким контрастом проступают очертания сохранности социального «габитуса» кабардинцев. Относительно ситуации 1864 г. отмечалось, что «...Кабарда сохранила вполне феодальное устройство... составляющее великое препятствие нравственному упрочению русской власти, потому что оно противопоставляет закон закону и поддерживает народное единство... аристократия ведет войну оборонительную, ограждая народ от русского влияния целой системой отношений, замкнутых, недоступных нам, отделяющих массу как бы стеной от русского закона и обычая»⁵⁵. Констатируя продолжающееся полнокровное функционирование инстанций, легитимирующих традиционную мировоззренческую и в существенной степени нормативную структуру, автор заключал, «что ничего нет труднее, как обрусить Кабарду», т.е. кабардинцев⁵⁶.

Опознав в пши-уорках главное препятствие в деле утверждения эффективно властвования среди кабардинцев, оккупационная администрация не замедлила встать на путь их маргинализации. Согласно наблюдениям Р.С. Кандора, с объявлением окончания войны оккупационную администрацию не могло устроить положение, когда на должности старшин аулов назначались традиционные владельцы, пусть и избранные на аульных сходах, но без возможности влияния на этот процесс приставского начальства. Поэтому она задалась целью лишения их реальной власти⁵⁷. Тем не менее, к примеру, в январе 1863 г. Кундет Девлетгирей наряду с несколькими аульными старшинами стал одним из «наибов» кабардинских поселений. Позднее, в декабре 1864 г. он избирается от «аульных обществ» депутатом горского суда Абадзехского округа⁵⁸.

Однако в течение первой половины 1865 г. российская администрация сформулировала и приступила к осуществлению программы мероприятий, направленных на «вхождение в горскую среду» (т.е. вторжение в социальное пространство), «тщательно выбирая из оной все вредное и обветшалое». «Программа», одобренная главнокомандующим Кавказской армией состояла из 12 пунктов. Не вдаваясь в обозначение и последующий разбор обстоятельств и степени реализации каждого из них, сосредоточимся на нескольких из наиболее показательных с точки зрения затрагиваемого здесь вопроса. Так, одним из приоритетов «программы» в 1865 г. было заявлено «Упразднение влияния власти владетельных родов и введение выборного управления». Спустя четыре года в «отчете по военно-народному управлению Кубанской области с 1-го января 1863-го по 1 января 1869 г.» по отмеченной позиции, в частности, указывалось: «По учреждении ныне действующих управлений, в непродолжительном времени лица высших сословий, относившиеся весьма враждебно ко всем реформам в быту горцев и неохотно выполнявшие распоряжения начальства, были признаны не удобными на должностях аульных начальников (которые они занимали по правам происхождения), и приказано было упразднить должности аульных начальников, заменив оныя выборными от обществ. Избраны были в начале 1866 г. закрытой баллотировкой новые личности на должности старшин и помощников их, в числе которых было изрядное число лиц из простого класса»⁵⁹. Данное утверждение

было справедливо только «за исключением кабардинцев и абазинцев, среди которых частью исключительные по своему значению влияния, частью фанатическая приверженность к обычаям удержали прежних влиятельных лиц во главе аульных управлений»⁶⁰.

Другим путем эффективного «вхождения в горскую среду» имперскими властями справедливо рассматривалось «Обложение горцев податями». В видах деформации и последующего разрушения традиционной социальной структуры, обладавшей устойчивой резистентностью внешним воздействиям, с 1866 г. начала внедряться «идея сбора податей сообразно с богатством жителей». По оценкам российской администрации, она «привилась в обществах весьма хорошо» за исключением одной общины. В источнике указывается, что «только ходзинские кабардинцы... долго уклонялись от самого производства раскладки сообразно с достатком жителей, и настоятельно просили не нарушать прежний их обычай...»⁶¹ Имперский чиновник в этом случае с заметным раздражением резюмировал: «Впрочем, ходзинские горцы и не в одном этом случае проявили упорство и нерасположение к мероприятиям правительства»⁶².

К таким случаям, безусловно, относится и позиция хаджретских лидеров по такому приоритетному в глазах имперских властей направлению как «крестьянская реформа». И здесь агенты имперского утверждения именно в кабардинцах углядели камень преткновения своим замыслам. Летом 1866 г. собранная для патрулирования перевалов ведущих в мятежную Абхазию «милиция от беглых кабардинцев с Ходза под командой» Кундет Девлетгирея в связи с циркулировавшими слухами, по свидетельствам представителей российского командования «решилась даже предъявить начальству требование об оставлении у них крестьян навсегда, отказываясь в противном случае идти в поход, потому что если и у них будут отбирать крестьян, то они сами сделаются абхазцами»⁶³. Разумеется, военное командование, которое, тогда, в 1866 г. депортировало последние группы черкесов с черноморского региона, не могло проигнорировать непреклонно-ультимативную риторику со стороны горстки давно «покоренных» кабардинцев. Хотя реакция последовала не сразу, этот казус, несомненно, внес свою лепту в последующее раскручивание эскалации, тем более, что хаджретская община оставалась непреклонной в своей позиции и спустя год, когда правительственные усилия начали давать свои плоды. В соответствующем отчете указывалось: «Благодаря особенно усердию и благоразумию мер, принятых окружными управлениями, горское население до такой степени свыклось с крестьянской реформой, что когда в конце 1867 г. при окружных управлениях были созваны от заинтересованных сторон депутаты для обсуждения условий освобождения крестьян, то без существенных затруднений почти во всех округах удалось свести обе стороны к соглашению...» И далее отмечается: «Результатом освобождения крестьян явилась необходимость для самих владельцев приняться за полевые работы. Не только уздени, имевшие крестьян, но и бедные из князей и даже султаны... принялись за хозяйственные работы...» И лишь жители «Абазинского и Кабардинского обществ (в которых старинные предания усиленно поддерживаются отдельными личностями)»⁶⁴ нарушали рисуемую благостную картину всеобщего послушания властям. Последних не могло не огорчать неуязвимость социального поля хаджретского коллектива ввиду того, что «прекращение абректства»⁶⁵ являлось одним из заявленных ими еще в 1865 г. приоритетов. В этой связи командование, пытаясь трезво оценить наличествовавшую на тот момент ситуацию, констатировало: «Продолжительность Кавказской войны, в течение которой каждый горец считая своей священной обязанностью вредить русским всевозможными мерами, имел[а] следствием то, что среди горцев получили почетное значение личности предприимчивые и искусные в разных хищнических проделках в пределах, занятых русским населением. Естественно, что и с принесением вынужденной покорности воззрения горцев на воровство

скота и даже на грабежи не могли скоро измениться»⁶⁶. Не будет преувеличением считать, что подобная характеристика была применима в первую очередь к кабардинским анклавам Ходзи и Зеленчуков, сохранившим, невзирая на прессинг оккупационных властей, социальную иерархию и символическую структуру⁶⁷. При этом следует отметить, что несмотря на продолжавшиеся геноцидальные практики в черкесском высокогорье и после объявленного российскими войсками окончания Кавказской войны в мае 1864 г. «замиранные» кабардинские анклавы и остававшиеся в лесных дебрях хакучинцы-шапсуги упорно демонстрировали «искусство быть неподвластными»⁶⁸, поддерживая инфраструктуру сопротивления. Острота ситуации обнаруживается при обращении к источникам, в которых анализировались угрозы перспективам эффективного имперского утверждения на территориях, откуда только что были изгнаны черкесы. Здесь мы позволим себе довольно пространную выдержку из одного, отличающегося высокой информативностью документа. В нем излагается следующее: «Недостаточная предприимчивость населения закубанских полков, еще не освоившихся с местностью, делало ремесло разбойника в нагорных трущобах почти безнаказанным и заманчивым для праздной молодежи горских округов. Вследствие этого и неуклонности мер против воров побеги из Лабинского, Псекупского и Зеленчукского округов сделались весьма часты, и бессилие местных властей к пресечению этого зла, без искреннего содействия аульных обществ, начало дурно отзываться на настроении умов населения, явно покровительствовавшего беглым. Подобное настроение не замедлило в самом непродолжительном времени отозваться на спокойствии всего Закубанского края, но оно не было делом случайным и непредвидимым, а сложилось вследствие особенно благоприятных условий местности скрытой, пересеченной и малодоступной, а равно и по особенностям склада горской жизни. Местная администрация зорко следила за этим злом и неусыпно старалась пресечь его в самом его корне войсками, отправленными в экспедицию в течение последних четырех лет.

Нетрудно себе представить, какие размеры могли принять в обществе грабежи и разбои, ежели бы вся помянутая марка самого дикого и свирепого неприятеля оставалась в области.

Независимо от усиления военного надзора за нагорной полосой, в сентябре 1867 г. были приняты строгие карательные меры против передержателей абреков (примечательно, что предварительно – в августе 1867 г. был арестован и отправлен в ссылку считавшийся военным командованием «коноводом» «кабардинского общества» Кундет Девлетгирей⁶⁹) и против целых аульных обществ, в которых абреки жили до побега, или же на землях которых безнаказанно совершили злодейство.

Равномерно воспрещение, без существенной необходимости, отлучки горцев из аулов в нагорные станицы и учреждение ночных караулов в аулах.

Строгостью этих мер предполагалось заставить общество и отдельных лиц отказаться от поддержки беглецов. Результатом этого было сперва только то, что происшествия в районах военно-народных округов совершенно прекратились, но в области все-таки продолжались; когда же местные власти начали тайно следить за подозрительными людьми через особенно благонадежных лиц, получавших хорошее денежное вознаграждение, то проживание беглецов в аулах совершенно прекратилось; однако, несмотря и на это, разбойники, имея безопасный приют в трущобах Юго-Западного склона Кавказа, не только не оставили своих грабежей и разбоев, но напротив того – начали производить оные с особенным зверством.

Продолжение такого тягостного положения дел грозило совершенным разорением обедневшему населению нагорных станиц и мешало успеху колонизации свободных земель Черноморского округа, а при предстоявшей в области крестьянской реформы могло повлечь за собой усиленные побеги владельцев, не довольных реформой, и тогда пришлось бы вести настоящую войну против сбора, имеющего надежное убежище в трущобах Южного склона. К тому же нужно было

всеми средствами стараться сокращать расходы на содержание в нагорной полосе дорогостоящих кордонов, которые хотя и заставили разбойников осмотрительнее пробираться с Южного склона в нагорные станицы, но тем менее не могло предотвращать возможность разбоев в некотором отдалении от постов»⁷⁰.

Пользуясь современной терминологией, такую картину можно охарактеризовать как конфликт низкой интенсивности. Сама возможность подобного положения подвергала сомнению манифестированный триумф империи. Латентная резистентность со стороны «осколков» разгромленной страны не могла быть терпима инстанцией, рутинизировавшей крайние формы насилия в ходе утверждения своего владычества. В этом плане обозначившаяся коллизия между претендовавшей на тотальный контроль имперской властью и немногочисленным сообществом, сумевшим сохранить устойчивость своего социального поля, изначально содержала в себе высокий потенциал насильственной развязки. Новая инициатива имперских властей в канун 1868 г., которую «кичливая молодежь беглых кабардинцев» с негодованием отвергла, сделала ее неотвратимой.

Примечания

1. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии заслуженного деятеля науки Российской Федерации профессора Т.Х. Кумыкова. Нальчик, 2001; Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Ч. 2. Автор проекта, археография, составление сборника доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и КБР Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2003; Архивные документы по истории Кавказа (начало XIX в. – 1902 г.). Вып. 2. Сост. Р.К. Кармов. Нальчик, 2016.

2. *Мамонтова А.В.* Восстание закубанских кабардинцев в 1868 году // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Нальчик, 1947. С. 49–67.

3. *Афашиагов А.Х.* История аула Ходзь. Майкоп, 1998.

4. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2009. С. 122–123.

5. Там же. С. 123.

6. *Кумыков Т.Х.* Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.

7. *Кандор Р.С.* Указ. соч. С. 125.

8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 347. Оп. 1. Д. 33. Л. 10. (Далее – ГАКК).

9. Там же. Л. 6 об.

10. Там же. Л. 7 об.

11. Там же. Л. 5 об.

12. Там же. Л. 23.

13. Там же. Л. 9 об.

14. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 208.

15. ГАКК. Ф. 347. Оп. 1. Д. 39. Л. 11. об.

16. Там же. Л. 23.

17. Там же. Л. 26.

18. Там же.

19. Там же. Л. 27.

20. *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 502.

21. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев в административно-территориальную систему Российской империи (конец 50-х – середина 60-х гг. XIX в.) // Исторический вестник. Вып. IX. Нальчик, 2010. С. 66.

22. Там же. С. 67.

23. В рапорте начальника Центра Голицына временно командующему войсками Кавказской линии и Черномории Завадовскому от 13 февраля 1846 г. о Кундет Девлетгирее, в

частности, говорится, что он «долго жил за Кубанью между непокорными и неоднократно приезжал в Кабарду на воровство, особенно же участвовал в проведении Солеймана эфендия из Чечни за Кубань и обратно». Несколько времени спустя о нем же сообщалось, что «часто приезжая в Кабарду, даже быв во время вторжения Шамиля с несомненно одобрительным поведением...». – Материалы по обычному праву кабардинцев. Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. Нальчик, 1956. С. 195, 204.

24. *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 517.

25. *Венюков М.* К истории заселения Западного Кавказа. 1861–1863 гг. // Кавказ: Трагедия изгнания. Нальчик, 2014. С. 247.

26. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 210.

27. *Венюков М.* Указ. соч. С. 248.

28. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 67.

29. *Алов Т.Х.* Гибель Натухая и феномен Куштанок: от идиосинкратичности образов к целостному видению // Черкесский вопрос: опыт, проблемы, перспективы научного осмысления. Материалы круглого стола. Нальчик, 2013. С. 81–82.

30. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX–XX века). Сборник документов и материалов. Составители: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик, 2000. С. 157.

31. В российских документах этот офицер фигурирует под фамилией Абдрахманов. Однако в черкесской этнической среде более распространенным является название этого рода как Къарэхъу(къуэ) (Карахоко). См.: *Агънокъуэ Лаишэ. Усэхэр.* Налшык, 1993. Н. 32; Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390, 610; Брантов З.-хаджи Абадзехский сказ. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии и авторы вступительной статьи: А.К. Чеучева, И.К. Брантова. Майкоп, 2014. С. 65, 120.; Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940). Историко-архивные материалы и воспоминания. Нальчик, 2017. С. 390.

32. *Венюков М.И.* Кавказские воспоминания (1861–1863). Нальчик, 2011. С. 23.

33. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов... С. 155–156.

34. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 64–65.

35. Там же. С. 67.

36. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 69.

37. Материалы по обычному праву кабардинцев... С. 208.

38. Там же. С. 198.

39. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 124. Наряду с вышеупомянутыми сведениями о деятельности Кундет Девлетгирея в 1840-х гг. и того факта, что именно ему было доверено ведение переговоров с командующим российскими войсками на Северном Кавказе в 1858 г., роль кабардинского тлекотлеша характеризуют и другие нюансы. Так, обращает на себя внимание расположение аула Кундет Девлетгирея до «замирения» 1859 г. Его аул был самым верхним из восьми кабардинских селений, располагавшихся в этот период в долине р. Фарс. Хотя этот аул был малочисленным (15 дворов) и согласно сведениям российских военных Шоген Герандуко (с 500-ми дворов) «повиновались все беглые кабардинцы, жившие на Фарсе», следует учесть, что соблюдение статусно-иерархической локализации поселений показывает возможность корректировки оценки военного командования. Шоген Герандуко к этому времени пользовался репутацией одного из самых видных черкесских предводителей. В условиях военных действий, разумеется, его компетенции были перманентно востребованы. В этом плане, российское командование, следя за текущей ситуацией у противника было, в первую очередь, заинтересовано в адекватной информации о его непосредственном военном руководстве. Такое понимание ситуации помогает объяснить радикальное изменение соотношения численности «дворов» в селениях этих дворян после кабардинского «замирения». Так, в списке населенных пунктов Абадзехского округа за 1863 г. отмечается, что в ауле Кундет Девлетгирея числится 125 дворов, тогда как у Шоген Герандуко таковых зафиксировано 40. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 209.

Здесь представляется необходимым дополнить образ кабардинского тлекотлеша еще одним штрихом. В фольклорном произведении «Приход русских», в котором, как раз описываются радикальные изменения в черкесской жизни долины Лабы интересующего нас времени, упоминается и Кундет Девлетгирей. В тексте наряду с прочим говорится о

русских (в данном случае, согласно жанровой специфике о «русском» в единственном числе) следующее: «Каждый встречный для тебя – немирный. // Войску твоему тесно на свете. //...Оголил ты всю долину Ходзь, // Без спросу срубил нашу рощу, // В дебри пробрался по тропам, // Не оставил на Белой груш, яблонь. //... Кто по столбовой дороге не едет, // Тот для тебя лазутчик. // Нагнал ты страху на верховых, // Должери (Кундет Девлетгирей. – Т.А.) отучил от ружья». – Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390, 610. Из контекста не ясно идет ли здесь речь о ситуации до или после «мятежнической вспышки» кабардинцев. Однако совершенно очевидно, что, для «авторов» произведения, «отучение» Кундет Девлетгирея «от ружья», т.е. войны с Россией явилось фактом экстраординарным и знаковым.

40. Здесь уместно вспомнить пример Шипш Темиркана, который, также, как и Карахоко Фица, в первой половине 1860-х гг. показал себя активным клеветником генерала Евдокимова. Шипш Темиркан служил в этот период на западной оконечности Черкесии – Шапсугии и Натухае и был причастен к изуверским преступлениям против черкесов этих областей. Несмотря на то, что он дослужился до генеральского звания и прочно инкорпорировался в имперскую систему население Кабарды на протяжении всей его жизни и долго после смерти презрительно относилось к его персоне. См.: Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 428–429; *Агънокъуэ Лаиэ. Усэхэр*. Налшык, 1993. Н. 31–32. Деятельность Карахоко Фица также отражается в фольклоре в негативном ключе и даже в связке со злодеяниями Шипш Темиркана. Однако его фигура в нем, лишена столь напряженных диффамационных дескрипций, отличающих описание образа Шипш Темиркана. – Кабардинский фольклор. Общая редакция Г.И. Бройдо. Нальчик, 2000. С. 390; *Агънокъуэ Лаиэ. Усэхэр*. Налшык, 1993. Н. 32.

41. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 150.

42. *Ольшевский М.Я.* Указ. соч. С. 518, 535.

43. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 109.

44. Там же. С. 110.

45. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 69.

46. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 210.

47. Там же. С. 359.

48. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 171.

49. *Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 397.

50. Там же. С. 399–400.

51. Там же. С. 405.

52. Там же. С. 401–402.

53. Там же. С. 399.

54. Там же.

55. Там же. С. 397.

56. Там же. С. 399. В представленном контексте, на наш взгляд, правомерно восприятие названия «Кабарда» не только как топоним отождествлявшийся в имперской номенклатуре данного периода с бывшим «Центром» Кавказской линии, но как традиционное обозначение согласно устоявшимся нормам (узусу) русского словоупотребления ко всем жителям восточночеркесских анклавов Центрального и Северо-Западного Кавказа, т.е. кабардинцам бассейнов Терека, верхней Кубани и долины Лабы. К тому же метонимическое использование оного «Кабарда» не является редкостью в русском языковом сознании. В качестве примера можно привести выражения типа «как Кабарда пошла воевать» (*Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. I. С. 80) или же «Кабарда знает лошадь» (Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 115).

57. *Кандор Р.С.* Включение залабинских кабардинцев... С. 72.

58. Там же. С. 69, 72.

59. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 360–365.

60. Там же. С. 365.

61. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 371. В связи с таким направленным и форсированным курсом на «эгалитаризацию» социального устройства у черкесов показательно, что в русских областях империи мы наблюдаем прямо противоположные усилия со стороны властей. Так, даже спустя почти четыре десятилетия после оглашения манифеста 1861 г., согласно изысканиям С.А. Нефедова, «дворяне в среднем платили с десятины своих земель 20 коп. налогов; нищее крестьянство платило

с десятины 63 коп. налогов и 72 коп. выкупных платежей, всего 1 руб. 35 коп. – в семь раз больше, чем дворяне». При этом, как справедливо замечает С. Сергеев, «помещики через Дворянский банк получали ссуды в 7–8 раз больше, чем заемщики Крестьянского банка». – *Сергеев С.М.* Русская нация, или Рассказ об истории ее отсутствия. М., 2017. С. 269.

62. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 371.

63. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 167.

64. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 374.

65. Там же. С. 375.

66. Там же.

67. Там же. С. 376–377.

68. Там же. Это выражение, вынесенное в название статьи мы заимствовали из книги Дж.С. Скота «Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии». М., 2017.

69. *Кандор Р.С.* Трансформация традиционной системы управления... С. 170; Архивные документы по истории Кавказа... С. 57.

70. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов... С. 377.

«THE ART OF NOT BEING GOVERNED»: TO OPENING «MUTINOUS BURST» OF THE CABARDIANS IN 1868

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, Senior Researcher of the Medieval and Modern History Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS», aloborsa@mail.ru

1868 is marked by last big armed action of the circassians in XIX. It spread among the Kabardinian hadjrets of the valley of the river Laba. In this article are retraced the circumstances and strategies of the preservation of the stability of the hadjret socium from the endings of 50 to second half of 60 XIX in the circumstances of the uninterrupted pressure of the Russian military command.

Keywords: Hodz, hadjrets, Genocide, circassians, social sphere, resistance

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-1-36-29-45